МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

3. Подробнее об этом см.: Кошечко А.Н. Духовные ценности и их роль в самоопределении личности // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России: Материалы XXII духовно-исторических чтений памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2013. С. 34–41.

4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1985. Т. 28, кн. 1. 572 с.

5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 22. 407 с.

6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1986. Т. 29, кн. 2. 573 с.

7. Подробнее об этом см.: Кошечко А.Н., Пацюрка Е.И. Педагогические идеи Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» (к постановке проблемы) // Вестник ТГПУ (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2018. № 6 (195). С. 105–111.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-75

**ВИЗУАЛЬНО-АКУСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗОВ
И. С. ТУРГЕНЕВА «СТУК...СТУК... СТУК!...» И «СТУЧИТ!»**

Суманеева А.Ю.

Томский государственный университет, студент

**VISUAL-ACOUSTIC POETICS OF I. S. TURGENEV'S STORIES
«KNOCK, KNOCK, KNOCK» AND «THE RATTLING
OF WHEELS»**

Sumaneeva A.Yu.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются визуальные и акустические образы, моделирующие художественный мир рассказов И.С. Тургенева «Стук... стук... стук!...» и «Стучит!», осмысливается их роль в свете синестетического метода писателя.

Ключевые слова: Тургенев, синестезия, звукообраз, визуальная картина мира.

The article examines the visual and acoustic images modeling poetical world of Turgenev's stories «Knock, Knock, Knock» and «The Rattling of Wheels», their role in the aspect of the synesthetic method of the writer is comprehended.

Key words: Turgenev, synesthesia, sound image, visual picture of the world.

Научный руководитель: А.Г. Кожевникова, канд. филол. наук, ст. преподаватель ТГУ.

В рассказах Тургенева «Стук... стук... стук!...» (1871) и «Стучит!» (1874) человек рассматривается в отношениях с иррациональной

стороной бытия в экзистенциальной ситуации. Два произведения тяготеют друг к другу параллелизмом названий, в которых не случайно маркирован феномен стука. Несмотря на то, что звуковой дискурс обозначен в заглавиях и является доминантным в поэтике рассказов, не менее важна и их визуальная составляющая. Такая многослойность восприятия симптоматична для метода Тургенева: писатель выстраивает объёмную картину реальности синестетического характера [1. С. 52–53].

Так, синестетические образы сконцентрированы в ночном пейзаже в рассказе «Стук... стук... стук!..». Осязаемый туман, таинственный свет звёзд, неясная визуальная картина мира, зыбкость состояний [2. С. 233] – всё это размывает границы между сном и явью, реальностью и фантазией. Ирреальная модальность, обуславливающая пограничное состояние человека, создаёт эффект двоящейся картины реальности. При этом звуковое наполнение рассказа осложняется дополнительными смыслами: феномен шума как такового приобретает семантику неминуемости судьбы, приближающейся смерти. Не случайно родителям Теглева, которые «утонули весною, в половодье» [2. С. 229], накануне их смерти чудился шум воды. Эта же семантика актуализируется в стуке, который Теглев слышит в избе и который так или иначе предсказывает его гибель, и в голосе, принимаемом Теглевым за зов покинутой им возлюбленной, покончившей жизнь самоубийством. Всё это воспринимается им как проявление фатальной силы. Феномен стука становится сигналом о возможном нарушении границы между пространствами, вторжении чужого, потустороннего в личную сферу.

Тема визуальных псевдогаллюцинаций возникает, когда Ридель пытается обнаружить источник голоса, зовущего Теглева. В ситуации «притупления» зрения, вызванной белизной тумана, преобладающим становится подсознательное начало. Рассказчик всматривается в мир, но, оказываясь во власти ночного времени и мнимого чужого пространства, теряет способность видеть и воспринимает действительность сквозь призму интуитивного взглядывания и вчувствования. В условиях ослабления зрительной рецепции возникает синестетический образ атмосферного явления: туман предстаёт не столько как зримый образ, сколько материальный и осязаемый, «рыхлый и белый, как вата» [2. С. 244]. Туман, окутывающий реальность, не пропускает свет и звуки, дезориентируя человека в окружающем мире, и, проникая в его сознание, приводит его в смутное состояние, лишает рассудочного начала: «Туман, казалось, пробрался в самую мою голову – и я бродил как отуманенный...»

[2. С. 248]. Так как визуальная картина мира заставляет персонажей чувствовать себя потерянными в пространстве, ориентиром человека ночью становятся акустические явления (звуки шагов, голоса). В сцене поисков Теглева Риделем и слугой Семёном таинственный звук оказывается роковым знаком – вестью о смерти Теглева. Выстрел встраивается в акустическую парадигму рассказа, в которой прослеживается связь звуков с трагической судьбой персонажа, с темой фатальности.

Как и в рассказе «Стук... стук... стук!..», мотив стука является сюжетообразующим в рассказе «Стучит!» из цикла «Записки охотника», где данный звуковой феномен так же имеет неизвестное происхождение в момент его восприятия (семантика безличности подчёркивается формой глагола в названии). Но в рассказе «Стучит!» природа данного акустического явления иная, хотя она и не лишена семантики неминуемости судьбы. Ночью на пустынной дороге по пути в Тулу рассказчик и кучер Филофей, услышав стук колёс, свист и звон бубенцов, подозревают, что их преследуют «недобрые люди». В восприятии персонажей шум детерминирован не таинственной роковой силой, а объективной реальностью. Он, скорее, символически маркирует неизбежную близкую гибель. Тем не менее, можно говорить о персонализации судьбы в образе разбойничьей тройки, нагоняющей тарантас рассказчика.

Стук, сопровождающий персонажей в пути, задаёт динамику пространственно-временной организации. Звуковая градация, маркируя постепенное приближение другого экипажа, обостряет нарастание интриги. Осознание того, что гибель миновала, наступает у героев тогда, когда исчезают звуки и наступает тишина. Если в рассказе «Стук... стук... стук!..» феномен стучания только обозначает грядущее вмешательство странного в пространство человека, то в рассказе «Стучит!» фатальность получает материальное воплощение в ситуации погони, маркированной ключевым звукообразом; судьба буквально преследует человека. Семантика нарушения границы, вторжения чужого передаётся в тексте посредством дифференциации звуков воспринимающим сознанием: «В течение последних из этих двадцати минут сквозь стук и грохот собственного экипажа нам уже слышался другой стук и другой грохот...» [3. С. 348].

Мотив слуховой псевдогаллюцинации актуализируется в момент активизации подсознания человека, пытающегося провести грань между сном и явью. Рассказчик, сон которого потревожило замечание Филофея, явственно слышит доносящийся издали стук, при этом в его

восприятию звуковой регистр расширяется благодаря мнимым ощущениям, вызванным напряженным психологическим состоянием человека: «...даже пенье и смех почудились мне» [3. С. 348]. Раздвоение планов реального и ирреального в «Стучит!», как и в рассказе «Стук... стук... стук!...», вызвано пограничной сюжетной ситуацией сна, после которой визуальная картина размывается, действительность теряет чёткость очертаний. Двойственность мирообраза эксплицирована и на уровне жанровой структуры текста: визуальная поэтика рассказа моделирует ирреальное пространство заколдованного царства. «Тихая, славная» [3. С. 344] ночь, вызывающая у рассказчика ассоциации с былинным временем, с одной стороны, создаёт ощущение иллюзорной гармонии, а с другой — предвосхищает фольклорно-сказочную сюжетную ситуацию встречи с разбойниками на дороге.

Визуально-акустическая поэтика рассмотренных рассказов репрезентативна с точки зрения метода «странного» Тургенева, его «двойного» видения [1. С. 47], позволяющего воспринимать в эмпирической реальности знаки иного мира.

Литература

1. Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 192 с.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1981. Т. 8. 542 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1979. Т. 3. 526 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-76

ДОМИНАНТЫ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Григорян Э.Р.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, аспирант

DOMINANTS OF THE «SUPERFLUOUS MAN»: THE INTERTEXTUALITY OF THE LITERARY IMAGES

Grigoryan E.R.

Dostoevsky Omsk State University, postgraduate student

В статье исследуется роль интертекстуальности как одной из доминант в изображении «лишних людей» и выстраивании событийной канвы для обозначения ценностных ориентиров литературного произведения. «Лишний человек»